

УДК 82-3
ББК 84 (2Рос=Рус)6
Г31

Художник К. Прокофьев

Геласимов А.

Г31   Роза ветров. – М.: ИД «Городец», 2018. – 504 с.

«История в некотором смысле есть священная книга народов; главная, необходимая, зеркало их бытия и деятельности; скрижаль откровений и правил, завет предков к потомству; дополнение, изъяснение настоящего и пример будущего», — писал в предисловии к «Истории государства Российского» Н. М. Карамзин. В своем новом романе «Роза ветров» известный российский писатель Андрей Геласимов, лауреат премии «Национальный бестселлер» и многих других, обращается к героическим страницам этой «священной книги народов», дабы, вдохнув в них жизнь, перекинуть мостик к дню сегодняшнему, аналогий с которым трудно не заметить.

Действие романа разворачивается в середине XIX века. А игроки на геополитической арене Истории все те же: Британия, США, Россия, Китай... И все те же глобальные интересы мирового бизнес-сообщества.

Но благодаря политической обстановке в регионе, отчетливо проявленной государственной воле и личному мужеству каждого участника изначально небольшой группы флотских офицеров, объединенных под командованием капитан-лейтенанта Невельского, удалось тогда закрепить обширные территории на Дальнем Востоке за Россией.

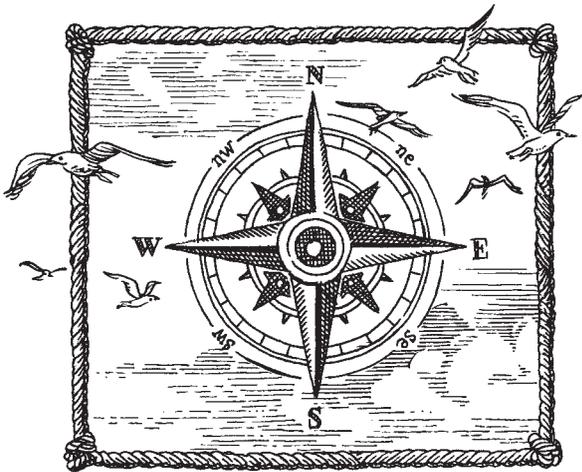
На страницах романа А. Геласимова оживают реальные герои и факты, многогранные характеры и особенное достоинство сынов России, которые во все времена приумножали ее славу и величие.

Сегодня, когда Россия вновь сталкивается с глобальным противостоянием в мире, подобные примеры из отечественной истории особенно актуальны и помогают с оптимизмом смотреть в будущее, тем более что описаны те далекие события с таким мастерством и таким чувством, что мы словно сами становимся их участниками.

ISBN 978-5-906815-06-4

© Геласимов А., 2018
© ИД «Городец», 2018

Часть первая

1 глава

Он заметил ее практически сразу. Эту девушку трудно было не заметить. Все остальные дамы едва протискивались между кресел в своих модных кринолинах, а она скользила по оживленному партеру, как рыбка. Платье свое она, очевидно, позаимствовала у бабушки. Невельской помнил эти наивные прямые линии с тех самых пор, когда жив был еще отец и когда в Дракино по семейным праздникам съезжалась родня со всего уезда. Мужчины — в морских мундирах, а дамы — вот в таких старомодных уже тогда платьях. Новшества с широкими юбками и корсетами из Петербурга до Костромской губернии доходили неспешно.

Несмотря на то, что в театре, как, разумеется, и во всем городе, царил южный тип красоты, незнакомка выделялась даже на этом фоне. Она была похожа на тех полудиких берберских красавиц в алжирском порту, на которых лихие русские мичманы с «Ингерманланда» заворачивали головы до хруста в шейных позвонках. Об этих дикарках еще в Неаполе офицеров средиземноморского отряда предупреждал русский посланник. Он уверял, что сами себя они называют «амазиги» и что, скорее всего, имя это происходит от легендарных амазонок. Правда это или же нет — проверить не было никакой возможности, однако после стоянки в Алжире на корвете «Менелай» недосчитались трех нижних чинов, а с «Князя Варшавского» пропал гардемарин.

Сам Невельской, невзирая на свой тридцатитрехлетний возраст, в этом отношении пока еще как бы дремал. Его положение при вице-адмирале и особая роль на флагманском судне тоже не предполагали никаких излишеств такого рода, но и без того корабли для него были понятней, красивей и даже в определенном смысле женственной многих знакомых ему дам. Девушки, существа изящные и хрупкие, как фарфор, всякий раз приводили его в замешательство, словно заставляли врасплох. Он беспокоился в их присутствии тем растерянным беспокойством, которое охватит, наверное, обыкновенного, неискушенного в тонком искусстве человека, если ему вдруг вручить старинную китайскую вазу с просьбой поддержать некоторое время на весу, да еще при этом сообщив ее цену. Впрочем, сам факт подобного беспокойства говорил в пользу того, что положение дремлющего в данной сфере у Невельского должно было непременно и благополучно пройти.

Незнакомка, фраппировавшая в этот вечер Лиссабонский театр, не носила на голове и груди россыпи золотых монет наподобие роковых красоток с севера Африки, но дерзким взглядом темных маслянистых глаз очень выдавала свое дикое и не совсем уместное в опере желание быть амазонкой. Некая манерная дама в антракте попыталась выйти в буфет и застряла в дверном проеме из-за своих неимоверно широких и, очевидно, еще непривычных для нее юбок. Сопровождавший даму господин в сером фраке заметно растерялся, ибо не мог дотянуться до ее руки без того, чтобы не вторгнуться в суверенное дамское пространство, и тогда дикарка в нелепом старинном платье просто толкнула пунцовую от смущения модницу в спину, выбив ее в коридор, как пробку из узкого горла шампанской бутылки.

— Какова?! — негромко сказал Невельскому сидевший рядом с ним молодой, если не сказать юный, офицер.

— Музыка, Ваше Императорское Высочество? Я в этом мало что понимаю.

— Да-да,— усмехнулся его собеседник.— Именно музыка.

Оперу Невельской не любил. В бытность гардемарин-ном всегда сказывался больным, если Морской корпус выводили в театр. Его угнетали помпезность интерьеров и необходимость неподвижно сидеть, скучая от всего, что происходит на сцене. Он совершенно не понимал, для чего толстым и некрасивым людям нужно ходить из кулисы в кулису с накрашенными лицами, громко при этом крича и размахивая руками. Если бы не амазонка в старомодном платье, за которой он продолжал теперь наблюдать из своего кресла, после того как снова поднялся занавес, этот вечер грозил обернуться для него жуткой скукой и затекшей, словно после тяжелой вахты, спиной. Даже когда в зале разразилась буря восторга во время хора каких-то закованных в цепи оборванцев, Невельской смотрел на девушку, а не на сцену. В отличие от всех остальных дам в театре, она была здесь одна. Кресло рядом с амазонкою пустовало.

— С ней никого, Геннадий Иванович,— внезапно как-то очень по-детски шепнул ерзавший рядом с ним офицер.

— Вы бы оперой наслаждались, Ваше Императорское Высочество. Идея, между прочим, ваша была.

Но великий князь Константин¹, за которого Невельской вот уже почти десять лет отвечал перед адмиралом Литке² собственной головой, на сцену смотрел все реже. Взгляды обоих офицеров, подобно взглядам двух внимательных

---

¹ Великий князь Константин Николаевич (1827–1892) — сын императора Николая I. Младший брат императора Александра II. Выдающийся государственный деятель. Совершил около 50 морских экспедиций. Воспитанник Геннадия Невельского.

² Литке Федор Петрович (1797–1882) — мореплаватель, дважды обогнувший земной шар, исследователь Восточной Арктики, адмирал, президент Петербургской академии наук, один из основоположников Русского географического общества.

канониров, словно прикидывали расстояние и траекторию до цели, нащупывая в ее борту уязвимое место. Девушка наконец ощутила это внимание, и голова ее, слегка вздрогнув, повернулась в их сторону. Константин, которому полгода назад исполнилось восемнадцать и который во взглядах ровесниц привык видеть лишь смиренное почтение, наткнулся вдруг на такую насмешливость и такой вызов, что у него перехватило дыхание. Дикарка смотрела на него ровно и прямо, как будто они были не в театре, а встретились неожиданно где-то в лесу, выйдя с разных сторон на залитый солнцем просвет между деревьями. Сидевший на пересечении их взглядов пожилой мужчина с густыми длинными бакенбардами обернулся и осуждающе покачал головой, но Константин лишь слегка отклонился влево, чтобы бакенбарды не заслоняли ему насмешливый взгляд амазонки.

— Опера, Константин Николаевич, — негромко сказал Невельской. — Мы пришли слушать оперу...

На сцене тем временем завязалась возня с протяжными воплями — оборванцы в цепях вырвались на свободу и мутузили теперь почему зря бывших своих работодателей. Однако и это оживление было не в силах отвлечь юношу. Он продолжал переглядываться с амазонкой, которая демонстративно развернулась к нему всем корпусом, явно не желая уступать в этой игре.

Невельской обвел взглядом партер, а следом за ним — ложи. Никто, кроме старика с бакенбардами, казалось, не обращал внимания на юного русского офицера и странную девушку. Все были поглощены шумной возней на сцене. Облегченно вздохнув, Невельской откинулся в кресле и прикрыл глаза. Театр с его многоярусными балконами напомнил ему линейный корабль. Это успокаивало, убаюкивало, и даже громкая музыка стала звучать как-то понятней.

Мерцающие в полутьме фонари, обрамлявшие королевскую ложу, вызывали в памяти сигнальные огни на корме «Ингерманланда», и от этого Невельской почувствовал себя отчасти как дома.

Впрочем, уже в следующее мгновение он вспомнил о предшественнике нынешнего линкора и помрачнел. Предыдущий корабль с этим именем был спущен на воду всего три года назад, но разбился на скалах у берегов Норвегии в первый же свой поход. Выйдя из верфи в Архангельске, он не дошел даже до Кронштадта. За те сутки, что его полузатонувший остов мотало штормом в пятнадцати милях от норвежского берега, из девятисот человек команды и пассажиров погибло почти четыреста. Среди погибших оказались едва не все находившиеся на борту женщины и дети. По рассказам выживших, многие из несчастных от отчаяния, жажды и невероятной усталости сами бросались в воду с облепленных людьми вант бизань-мачты¹, которая на долгие часы оставалась последней частью корабля над поверхностью моря. Судно больше суток продержалось в таком положении из-за множества пустых бочек в трюме. Если бы их там не было, в ту ночь погибли бы все девятьсот человек.

Очевидцы рассказывали, как волнами, бьющими уже через палубу, сорвало с креплений и бросило на шканцы² баркас, который сразу убил несколько десятков человек. Десятилетняя дочь полковника Борисова, отдаленно знакомого Невельскому по встречам в Морском министерстве, при попытке перехода на корму запуталась длинной

---

¹ Бизань-мачта (*нидерл. bezaansmast*) — кормовая мачта на многомачтовых парусниках.

² Шканцы (*нидерл. schans*) — самый верхний помост или палуба в кормовой части парусного судна, где находились вахтенные офицеры. Шканцы считались почетным местом на корабле: там зачитывались перед строем манифесты, приказы, приговоры.

косой в железной уключине разбитого баркаса и в считанные минуты была измочалена о палубные надстройки и рангоут¹. Говорили, что она сильно кричала, а тех, кто пытался ее спасти, разлетавшимся во все стороны рангоутом кромсало на части, как гильотиной.

Вспомнив об участии бедной девочки, Невельской склонил голову и сдавил пальцами виски. На сцене к этому моменту все уже складывалось благополучно. Какую-то женщину со злодейской наружностью, строившую до этого все главные козни, наконец поймали и привели на покаяние к тем, кто раньше был в цепях.

Невельской снова оглядел притихший театр и представил, как его, словно огромный трюм, наполняет вдруг хлынувшая во все двери ледяная забортная вода: театр, тяжело заскрипев, накреняется, из лож начинают выпадать цепляющиеся за перила любители оперы, дамы в раздувшихся кринолинах до поры до времени всплывают на них, как на поплавках, но уже через несколько минут бесчисленные юбки их промокают и неумолимо тянут вниз — туда, где скрылись под густой темной толщей кресла партера. Мужчины еще умудряются некоторое время держаться на плаву, однако лепной потолок со сверкающей люстрой все ближе, воздуха все меньше, и, наконец, театр, потерявший остойчивость, переворачивается килем вверх, и с кресел, оказавшихся теперь наверху, на головы тех, кто сумел вынырнуть, низвергаются тонны воды и десятками валятся трупы захлебнувшихся в первые мгновения на своих местах.

К терпящему бедствие линейному кораблю тогда подошел бриг под английским флагом. Несчастные подумали,

---

¹ Рангоут (от *нидерл. rondhout*, букв. — «круглое дерево») — предметы парусного вооружения кораблей — мачты, стеньги, реи, гафель и др. Предназначен для постановки и несения парусов (флагов, сигналов и др).

что спасение рядом, но британец развернулся и ушел прочь. У английского капитана было свое представление о морской чести.

Старые матросы говорили потом, что крушение послужило наказанием командиру Трескину за излишнюю жестокость. За годы своей службы он нехорошо прославился по всему Балтийскому флоту истязаниями нижних чинов. Однако при чем здесь десятилетняя девочка и остальные четыреста человек, суеверные матросы не уточняли. Сам капитан первого ранга Трескин и его жена остались после того крушения живы.

Невельской задумался о наказанных им лично подчиненных. Выходило, что только в этот поход он распорядился как минимум о семи экзекуциях. В результате одной из них матроса лечили потом четыре дня. Пытаясь припомнить его имя, он понял, что не помнит даже провинности. Судя по всему, это было что-то не очень значительное, скорее всего символическое — вроде плевка на палубу или случайного заступа на правые шканцы. Вспомнить точнее он так и не смог. Нижние чины, как и крепостные в имении матери, были для него не совсем люди. Во время отпуска в Дракино перед присвоением первого офицерского чина он искренне удивился, узнав о любовных страданиях дворовой девушки. До этого он был абсолютно уверен, что дворовые могут испытывать лишь голод, жажду, потребность что-то украсть и нужду в отправлениях физиологии. Сенная же девка его матери в ту снежную зиму 1836 года реально и вполне ощутимо страдала, влюбившись в кого-то, словно она была настоящим, сотканый из обычных чувств и переживаний человек.

О смерти этой утопившейся в проруби девушки Невельской еще целый год потом время от времени размышлял, пытаясь уяснить для себя как природу страдания,

так и приоткрываемые этим страданием врата смерти, и все никак не мог примириться с мыслью о конечности своего собственного бытия, пока не узнал поближе служившего рядом с ним на флагманском фрегате «Беллона» боцмана по фамилии Андрюшкин. Несмотря на самое что ни на есть мужицкое происхождение, боцман отличался ясно выраженной склонностью к философии. Книг при этом он никаких не читал — и не то что с философскими, но даже и с бульварными романами наподобие «Прекрасной Шарлотты, страшной атаманши» замечен никогда не был. Свою концепцию жизни и смерти он выработал исключительно сам.

В оркестре неожиданно заколотили в литавры, и Невельской вышел из глубокой задумчивости. Кресло великого князя рядом с ним пустовало. Даже не успев удивиться, он машинально поднялся со своего места и завертел головой. Константин, бормоча извинения и убирая в карман лорнет, пробирался к выходу метрах уже в десяти от него. Невельской тут же двинулся следом. Параллельным курсом, но значительно ближе к двери прокладывала себе путь через кринолины и раздраженные возгласы амазонка в старомодном платье. Великий князь явно спешил за ней. На сцене тем временем толпа орущих людей принуждала злодейку выпить яд из огромного, как ведро, кубка.

Раз или два Невельской наступил кому-то на ногу, кто-то в ответ ощутимо его толкнул, однако он упрямо не сбавлял шаг. Отпустить императорского сына одного в чужой столице было нельзя. Это исключалось абсолютно. Возвращение на корабль без Константина было равносильно потере «Ингерманланда» и обоих корветов, вместе взятых. Весь русский отряд, около полутора тысяч матросов, мичманов и офицеров, без этого юноши не имел ни малейшего смысла. Их всех собрали и отправили в Средиземное море

только ради него одного. Здесь в Лиссабоне он сейчас, собственно, и был Россия. Даже это посещение театра вдвоем да еще совершенно инкогнито уже являлось крупным нарушением всех приказов вице-адмирала Литке и протоколов об официальном приеме членов российского императорского дома португальским двором. Однако великому князю приспичило в оперу. И непременно так, чтобы ни на корабле, ни в Лиссабонском правительстве никто об этом не знал.

— Тоже мне, Гарун аль-Рашид... — бормотал себе под нос Невельской, сражаясь изо всех сил на выходе из зала с тяжелой портьерой, в которой он запутался и все никак не мог нащупать за ней дверь. — Да что же это такое!..

Пробежав через пустынное фойе, где звонким эхом отдавались только его шаги, Невельской выскочил из театра под арочные своды балкона. Небольшая, плохо освещенная площадь раскрылась перед ним как ладонь — вокруг ни души. Укрыться здесь было просто-напросто негде. По периметру довольно тесно стояли четырехэтажные дома. Слева от замершего в арке Невельского куда-то наверх уходила каменная лестница. Там, очевидно, был променад, засаженный деревьями и цветами. Именно оттуда растекались по всей площади волны такого благоухания, что морской офицер, привычный лишь к запаху просоленной насквозь древесины, в ошеломлении на секунду замер. Когда они с великим князем вечером входили в театр, эти южные ароматы не были так сильны, однако потом, судя по всему, обильно прошел дождь, и душная в местных широтах весенняя ночь теперь была пропитана благоуханиями сильнее, чем кринолины у дам в театре. Со стороны недалеко отсюда гавани долетал родной запах моря.

По правую руку от Невельского на площадь выходила неширокая аллея, куда Константин вполне мог последовать за приманившей его амазонкой, однако сейчас

аллея была тесно заставлена экипажами, ожидавшими конца представления. Сделав несколько шагов по залитым водой плитам в сторону небольшого квадратного водоема посреди площади, Невельской в нерешительности замер, потом обернулся и зачем-то посмотрел на балкон над входом в театр, как будто исчезнувший юноша мог в считанные секунды забраться туда вслед за дикой беглянкой. Разумеется, там никого не оказалось, если только великий князь со своей шалуньей не решили спрятаться от Невельского, присев за массивную балюстраду. В темноте позади пузатых балясин их действительно трудно было бы разглядеть.

Понимая, что этого ни в коем случае не может быть и что поступает он так из одного лишь отчаяния, Невельской тем не менее взбежал по каменной лестнице на променад, чтобы оттуда взглянуть на балкон, и, естественно, никого там не увидел. На самом променаде среди бесчисленных платанов и клумб в этот час тоже не было ни единой живой души. Черные квадратные плиты внизу маслянисто блестели, отражая газовые огоньки двух фонарей. Все было неподвижно на этой площади, как в склепе.

Внезапно один из экипажей, стоявших в боковой аллее, тронулся с места. Мерно и звонко стуча подковами по камню, лошади вывезли изящную карету с большими окнами на площадь перед театром. Черная вода под колесами ожила и запестрила десятками раздробленных огоньков. Невельской сломя голову бросился по лестнице вниз. Выбежав на мокрые плиты, он через несколько шагов поскользнулся, но привычка держать равновесие во время качки даже на мокрой палубе выручила его. С раскинутыми в стороны руками, словно собираясь лететь, он скользнул по плитам, как по льду, и вскочил на запятки. В экипаже никого не было. Заглянув туда через оконце

в задней стенке кареты, разочарованный Невельской спрыгнул на влажную брусчатку, начинавшуюся у самой кромки театральной площади. Нога его попала в расщелину между двумя крупными камнями, подвернулась, и он неловко упал набок, сильно ударившись при этом локтем.

Расколотый кусок гранита, который подвел русского моряка, десятки тысяч лет назад был раскаленной базальтовой магмой, выходявшей на поверхность в районе современного Порту. Магма затем кристаллизовалась, минералы в ней обогатились кремнием, калием, натрием, и в итоге получились великолепные гранитные скалы. Они спокойно и величаво стояли на севере Португалии до тех самых пор, пока счастливому королю Мануэлу I не осточертела непролазная грязь на улицах его города, и он издал указ о том, чтобы каждый приезжающий в Лиссабон со стороны Порту привозил с собой по хорошему куску гранита. Те, кто не удосужился прихватить по дороге камень, платили в городскую казну штраф. На эти деньги были наняты каменотесы, замостившие первые улицы брусчаткой. В числе нанятых рабочих был и тот, который занимался мостовой между нынешним театром Сан-Карлуш и гаванью. Накануне дня рождения короля он очень спешил, потому что именно по его участку должны были провести носорога, подаренного короне великим Афонсу ди Албукерки. Ни одна капля грязи из-под тяжелых ног заморского чудища не должна была оскорбить короля. Спешка и бесконечные понукания привели к тому, что один из кусков гранита раскололся от удара гигантским молотком. Невезучий работяга был изгнан, не получив ни реала в уплату за труд и не увидев «единорога», о котором судачил весь город, а русский офицер, неудачно спрыгнувший с запяток пустого экипажа лет через три-

ста после носорожьего представления, угодил правой ногой в эту самую трещину.

Если бы всего этого не случилось, история России, Европы и — как следствие — всего остального мира пошла бы иным путем, нежели тот, который определился в середине девятнадцатого столетия. Неловкое падение лейтенанта Российского императорского флота на лиссабонскую брусчатку поздним апрельским вечером 1846 года имело самые серьезные последствия. Если бы Невельскому удалось устоять на ногах, Америка, могло стать, не получила бы своих северо-западных территорий или получила бы их значительно позже — и тогда не было бы никаких «Золотых лихорадок» ни на Клондайке, ни на Аляске, что в свою очередь не привело бы к стремительному развитию этого региона и заметному усилению американского военного присутствия в северной части Восточного океана. В России в 1861 году, возможно, не было бы отменено крепостное право, а Дальний Восток — от китайской границы на юге до Охотска на севере — оказался бы под контролем Британской Ост-Индской компании на тех же приблизительно основаниях, что Гонконг и Сингапур. На географических картах не появились бы ни Владивосток, ни Хабаровск. Дальневосточная пушнина, золото и сахалинский уголь окончательно бы утвердили за Британией статус мирового экономического лидера, и тогда двадцатый век, очевидно, тоже складывался бы по-другому.

Но Невельской из-за куска отколотого гранита устоять на ногах не сумел, в силу чего беззаботный сын Николая I в итоге остался жив, приняв потом самое деятельное участие в передаче Аляски Северо-Американским Соединенным Штатам, в реформе, отменившей крепостное право, а также косвенным образом — то есть самим фактом, что спас его в эту ночь именно лейтенант Не-

вельской — в освоении русского Дальнего Востока. Хорошо это или же плохо — судить не людям. Человеческое суждение затуманено помехами корысти, тщеславия и неизбежного страха перед краткостью жизни. Все сложилось именно так, как сложилось и как, очевидно, должно было сложиться.

Упавший на брусчатку Невельской зашипел от боли, схватился за ногу и поднялся с мостовой далеко не сразу. Этого времени хватило на то, чтобы экипаж, удалявшийся от него в сторону гавани, доехал до расположенного приблизительно в сотне метров арочного проема и остановился рядом с ним. Из темноты арки к двери кареты скользнула закутанная в салоп женская фигурка. Несмотря на довольно бесформенную верхнюю одежду, Невельской уверенно определил в ней ту самую незнакомку, за которой увязался Константин. Под салопом не топорщились кринолины. Ткань свободно ниспадала вниз по фигуре. Единственной дамой без кринолинов, встреченной Невельским в этот день в Лиссабоне, была берберская амазонка из театра. Если бы он спрыгнул удачней и сразу ушел с этого места, она уехала бы незаметно.

Превозмогая боль в подвернутой ноге, лейтенант поднялся с брусчатки и похрамал, как мог торопливо, в сторону арки, от которой уже отъехал увозивший искусительницу экипаж. В глухом и очень темном дворе Невельской остановился. В какую из дверей мог войти великий князь, было неясно.

— Константин Николаевич, — негромко на всякий случай позвал он. — Ваше Императорское...

От огромного дерева в глубине двора отлепилась человеческая фигура.

— Геннадий Иванович? А вы что здесь делаете? Возвращайтесь на корабль. Я позже приеду.

— Слава Богу...— выдохнул Невельской, но тут же пошатнулся.

— Что с вами? — Константин схватил его за руку.

— Ничего, пустяки... Вы должны немедленно уйти отсюда.

— Нет, нет...— Великий князь замотал головой и отступил обратно под прикрытие дерева, словно хотел спрятаться там от надоедливого наставника.— Я не могу. Мне сейчас дверь откроют.

— Какую дверь, Константин Николаевич? Нет никакой двери.

— Вот эту! — настаивал юноша, указывая на обложенный грубым камнем дверной проем.— Она сказала, что войдет через парадное и откроет мне черный ход. Чтобы отец не увидел.

Невельской шагнул под сень дерева. Лица своего подопечного он не видел, но слышал его взволнованное дыхание.

— Никуда не пойду, Геннадий Иванович. Даже не просите.

— Она не откроет.

Юноша затаился.

— Вы почему знаете?

— Она уехала. На улице ее ждал экипаж.

Великий князь помолчал, но потом все же решил удостовериться:

— Вы правду мне говорите?.. Или Федора Петровича опасаетесь?

— Опасаюсь. Но она уехала. Я сам только что видел. Надо уходить отсюда без промедления.

За спиной у него послышались шаги нескольких человек. В арку с улицы входили весьма решительные, судя по звукам, мужчины.

2 глава

В силу долгой службы на кораблях Балтийского флота в ближайшем окружении великого князя Константина, который был определен императором в моряки еще в пятилетнем возрасте, Геннадий Иванович Невельской привык встречать в своей повседневной жизни людей, облеченных самым высоким положением в Российской империи. Почти все эти люди, как он успел заметить еще в самые ранние годы офицерской службы, отличались той или иной странностью, а некоторые из них — сразу двумя, а то и тремя. Иной не отвечал на приветствие, если здоровался с ним человек с рыжими волосами. Другой, поднимаясь по трапу, намеренно не смотрел себе под ноги, отчего непременно запинаясь и часто бывал огражден от падения лишь тем, что вахтенный офицер знал об этой его особенности и держал наготове свободного матроса. Третий не переносил, когда к нему приближался кто-нибудь из нижних чинов, чего не всегда можно было избежать при законной тесноте на палубе военного судна. Подобных странностей было не счесть, и отличались ими, как правило, особы действительно высокого ранга.

Задумываясь порой в часы томительных ночных вахт о причине такового совпадения, Невельской постепенно пришел к выводу, что все эти сановники, адмиралы и царедворцы приобретали свои причуды и завихрения под грузом той самой власти и той самой ответственности, которая

эполетным золотом лежала у них на плечах. Тяжесть эта, судя по всему, давила на них чрезвычайно, а потому слегка не свихнуться, не тронуться немножко умом было для них невозможно. Единственным при всей полноте власти, кого участь эта обошла стороной, оставался сам Константин. Могущество, почти вседозволенность, право решать людские судьбы, казалось, ничуть не изменили его сначала детской, а потом юношеской природы. В отличие от большинства придворных его отца, он оставался абсолютно нормальным человеком. Вне парадной обстановки Константина невозможно было бы отличить от любого другого мальчика его возраста, образования и того же круга жизненных интересов. Масса власти, которой он обладал, не смогла раздавить его, потому что ему не надо было привыкать к ней. Он воспринимал ее как естественное продолжение своей физической сущности и по этой причине оставался естественным. Остальных же — тех, кто вздымался к своему нынешнему положению по шажочку, по ступеньке, по чужой голове, — она расплющила и покорежила по той простой и очевидной причине, что власть одного человека над другим сама по себе неестественна, и чтобы принять ее, изначально ею не обладая, надо многим в себе пожертвовать.

Спустя двое суток после отхода из Лиссабона Константин удивил своего наставника неожиданным вопросом о смерти. Вопрос этот был задан в столь непосредственной и совсем не подходящей к его сути обстановке, что Невельской даже слегка растерялся. Естественность великого князя превосходила все предположения, которые могли возникнуть на этот счет.

— А признайтесь, Геннадий Иванович, что вы все же боитесь умереть, — сказал Константин, глядя на четырех

забавных поросят, носившихся в дощатом загоне рядом с кормовой крыйт-камерой¹ в трюме корабля.

Живность для офицерского стола была закуплена еще в марокканском Танжере, и теперь от нее остались эти слегка подросшие свинки, с десятков уток и столько же кур. В Португалии запас решили не пополнять. Солонины на борту было предостаточно, а для того, чтобы разнообразить меню свежим мясом, этих «даров Магриба», как называл их офицер, которому был поручен главный надзор за трюмом, должно было хватить ровно до Портсмута.

— Вы за этим сюда спустились, Константин Николаевич? Чтобы о смерти поговорить?

Великий князь наклонился к пробежавшему мимо поросенку и успел прихватить его за торчавшее подобно треугольному стакселю ухо.

— А почему нет? У вас ведь все равно теперь много свободного времени образовалось.

Невельской позволил себе нахмуриться. Здесь, в полутьме трюма это вряд ли было заметно. После происшествия в Лиссабоне его действительно отстранили от некоторых привычных обязанностей на корабле, хотя Константин уверял, что ни словом не обмолвился адмиралу об этом случае.

— Смотрите, у них уши как паруса! У этого стаксель², а вон тот кливера³ распустил как на бушприте⁴... И все они будут съедены.

— Так точно. Причем с превеликим удовольствием, Ваше Императорское Высочество.

¹ Крыйт-камера (*нидерл. kruidtkamer*, от *kruidt* — «порох», и *kamer* — «комната») — на кораблях место хранения пороха.

² Стаксель (*нидерл. stagzeil*) — парус треугольной формы.

³ Кливер (*нидерл. kluwer*) — косой треугольный парус.

⁴ Бушприт (*нидерл. boegspriet*, от *boeg* — «изгиб», «искривление», и *spriet* — «шест») — передняя мачта на судне, лежащая наклонно вперед.

— Так что же вы думаете о смерти? — выпрямился Константин. — У меня осталось впечатление, что там, возле театра, вы совершенно не испугались. То, что вы сделали с этими людьми...

— Я бы предпочел не говорить об этом, — мягко остановил его Невельской.

— Хорошо... Но ведь не может такого быть, чтобы вы не испытали тогда страх. Признайтесь, что вам тоже сделалось не по себе. Только вы виду не подали.

— Не подал, — кивнул Невельской. — Не положено.

— Но сами-то испугались?

— Никак нет.

— Да бросьте вы этот тон, пожалуйста. — На лице великого князя мелькнула недовольная гримаса. — Я ведь серьезно вас спросил. Мне важно. Вы понимаете?

Невельской внимательно посмотрел в глаза юноше и не увидел в них ни тени насмешливости. Тот на самом деле пытался решить для себя приступивший к нему глубокий вопрос.

— Хорошо, — вздохнул Невельской. — Однако ответ может показаться вам долгим.

— Не томите, Геннадий Иванович. Или вы себе цену набиваете?

— Нет, — спокойно пожал плечами тот. — Просто придется рассказать вам об одном боцмане.

— Боцмане? — удивленно поднял брови Константин.

— Да. Он служил с нами на фрегате «Беллона». Вам тогда было, кажется, девять лет. Андрюшкин его фамилия. Возможно, вы его помните. У него вот здесь, — Невельской указал на правую сторону своей шеи, — была татуировка. Небольшой тритон и копые.

— А! Конечно же помню! — Юноша даже всплеснул руками. — Он драться очень любил.

— И это тоже.

— Ну? А почему вы про него вдруг заговорили?

— У него был самый лучший ответ на ваш вопрос.

— По поводу страха?

— Совершенно верно. Боцман Андриюшкин с фрегата «Беллона» разгадал тайну жизни и смерти.

Юноша помолчал, слегка хмуря брови, а затем обиженно вздернул подбородок:

— Это вы меня сейчас дразнить изволите?

— Даже в мыслях не было, Ваше Императорское Высочество.

Боцман Андриюшкин, служивший на «Беллоне», а до этого на легендарном «Азове», отличался не простым равнодушием к смерти, а каким-то отчаянным к ней презрением. В самый лютой шторм он гнал матросов на ванты¹ так остервенело и так безжалостно, как будто нарочно ждал этого и как будто со смертью у него были свои незакрытые счета, а матросскими жизнями он просто желал расплатиться с ней. При этом ни одна душа на борту не смогла бы обвинить боцмана в неуважении к смерти. Напротив, стоило на фрегате объявиться покойнику — из-за холеры или какой-нибудь другой корабельной напасти, — Андриюшкин пуце всех следил, чтобы все было сделано по чину.

Матросы его боялись, офицеры не любили. Несмотря на то, что боцман он был исправный, не любить его у офицеров имелись особые причины. В двадцать седьмом году, когда он служил на «Азове» и когда русская эскадра пошла воевать за свободу греков с османами и египетским Ибрагим-пашой, по пути в Наваринскую бухту с мачты сорвался матрос. Мичман Домашенко, только сменившийся с вахты, увидел мелькнувшее за окном его каюты тело и, как был, в это же окно с огром-

---

¹ Ванты (*нидерл. want*) — снасти стоячего такелажа, которыми укрепляются мачты.

ной высоты, не думая, прыгнул за борт. Не будь ему всего девятнадцать, он бы, наверное, все-таки немного подумал, однако в таких счастливых летах человеколюбие еще сильно переплетается с дерзостью, и мичману показалось, что он превозможет, что он сладит, преодолеет. Но он не превозмог. Шлюпка с теми, кто спешил им на помощь, из-за шквального ветра и волнения подошла слишком поздно. Оба моряка тихо легли на гостеприимное дно совсем недалеко от Сицилии.

На «Азове» по усопшим грустили и в матросском кубрике¹, и в офицерской кают-компании. Один только Андрюшкин не горевал. Собратьев по нижней палубе он уверял, что в смерти дурного ничего нет, а наоборот — это жизнь испытывает человека всевозможными гадостями и страданием. Беды все, по его мнению, происходили по причине отдельности одного человека от другого. Стоит человеку родиться, считал Андрюшкин, и вот он уже — «сам», вот он уже — «я», и никуда от этого «я» бедному человеку не деться. Поэтому каждый на белом свете за себя, и никто ни с кем договориться не может.

— Вот возьми хотя бы каплю, к примеру, — толковал он перед притихшей, насупившейся толпой матросов. — Она пока в море — она же не знает, что она капля. Думает ведь, наверное, что она, брат, и есть море. И ладно ей морем-то быть. Оно ж вон какое, краев ему не видать. А потом ее раз — ветерком или веслом там на палубу, и вот она уже все — отдельная, понимаешь. Лежит, на солнце сверкает, в голову себе много чего берет. Думает, небось, ишь я какая, переливаюсь, красоты во мне пудов не измерено. Вот так и человек — взял себе и родился. Тоже отдельным стал. Но капля — она ведь и есть капля. Палубу ветром обдуло — и нет ее. Все — высохла, испарилась.

---

¹ Кубрик (*нидерл. koebrug*) — общее жилое помещение для судовой команды.

Тем из матросов, которые аллегорий его не разумели, Андриюшкин уже прямо разъяснял, что смерти бояться не надо, а если кто-то по глупости в непонимании своем упорствовал, он просто бил его кулаком по лицу.

Со временем через офицерских вестовых эта странная философия просочилась до кают-компаний, однако и там ее никто особо не оценил. Мичмана Домашенко на «Азове» любили, а после его самоотверженного поступка вокруг памяти о нем сложился до известной степени культ. Юношу всем было жалко до слез, и поэтические рассуждения одного из нижних чинов не нашли поклонников среди тех, кому вот-вот предстояло вести команду в тяжелое сражение. Матросы же за спиной у Андриюшкина коротко и ясно говорили про него:

— Гадина.

Через месяц после гибели двух моряков у Сицилии русские корабли в составе объединенной с англичанами и французами эскадры приняли очень неравный бой в Наваринской бухте, и в самый критический момент Андриюшкин уберег весь «Азов» от поражения именно потому, что не ставил смерть ни во что.

Российский флагман, стоя правым бортом к неприятелю, принимал огонь сразу пяти турецких и египетских фрегатов. Командир носовой батареи лейтенант Павел Нахимов говорил потом, что, если бы османы колотили не по рангоуту, а в корпус, «Азов» потерял бы больше половины команды. Но выстрел с русского корабля перебил грот-мачту¹ на одном из турецких судов, и оно сильно накренилось. От этого чужие ядра пошли намного выше намеченной траектории. Накренившийся турок вскоре ушел с линии огня, однако место его тут же занял свежий фрегат из

---

¹ Грот-мачта (*нидерл. main mast*) — обычно вторая мачта, считая от носа судна.

османского резерва. Обрушившийся на правый борт «Азова» шквал ядер, кннпшелей¹ и картечи повредил лафеты² сразу у трех орудий. Пушки эти перестали откатываться внутрь нижней палубы и замерли стволами наружу. Зарядить их для нового выстрела не было никакой возможности. «Азов» потерял некоторую часть огневой мощи с правого борта. Разворачиваться к противнику левым бортом означало при этих условиях погубить корабль. Османы за время такого маневра отправили бы наш флагман на дно.

Вот в этот момент Андрюшкин, не дожидаясь никакого приказа, обвязался веревкой и спустился с верхней палубы по внешнему борту на узкий карниз, расположенный под пушечными портами. Для турецких канониров он был как жук на мягкой подушечке, которого надо только прищипить булавкой — и выйдет отличный экспонат в коллекцию натуралиста. Щепа от бортов летела во все стороны, секла его не хуже картечи. Раскаленное железо с воем рвало обшивку. Смерть ходила вокруг ходуном.

Андрюшкин под этим огнем безмятежно, словно никакого боя и не было, дождался, когда ему спустят заряды, снарядил ими все заклинившие на лафетах орудия, и вторым уже выстрелом канониры с «Азова» каким-то чудом угодили в крыйт-камеру турка. Османский фрегат праздничным фейерверком разнесло по всей бухте, Андрюшкин же, вернувшись на палубу, первым делом огрел матроса, который сдуру полез к нему обниматься, вместо того чтобы поливать из ведра, как было приказано, тлевший от вражеского огня настил.

---

¹ Кннпшель (*нидерл. knippel*) — артиллерийский снаряд, состоявший из двух чугунных цилиндров, ядер или полуядер, насаженных на концы железного четырехгранного стержня. Применялся для разрушения мачт, реев, вант, снастей и пр.

² Лафет (*нем. lafette*) — станок на колесах, на котором устанавливается артиллерийское орудие.

Закончив свой рассказ об отчаянном бесстрашии боцмана, Невельской оглянулся и посмотрел в сторону трапа, который вел на верхнюю палубу. Однако великий князь явно не спешил покидать трюм.

— Какая удивительная история,— задумчиво сказал он.— И какой удивительный человек... Хотя, помнится, матросов он бил действительно очень жестоко... Но, вы знаете, Геннадий Иванович, слушая вас, вот эту его *conception* о нераздельности всего сущего до момента рождения и после смерти, знаете ли, о чем я подумал?

— Никак нет, Константин Николаевич. О чем же?

— Я подумал, что это многое объясняет.

— Что, например?

— Ну... Потребность человека в любви. И не только в любви — даже в обыкновенной дружбе... Не потому ли нам отвратительно одиночество, что в глубине души мы не желаем быть отдельными существами? Отдельными друг от друга. Что, если мы невольно скучаем по тем временам, когда все мы были единым целым — тем самым морем, к примеру, о котором толковал этот ваш удивительный боцман? Вы не задумывались об этом?

— Не приходилось, Ваше Императорское Высочество. Мне кажется, нам пора наверх. Скоро к обеду свистеть будут.

— Да-да, конечно, сейчас пойдем. Но... Не могли бы вы уделить мне еще минуту?

Лицо Константина переменялось из мечтательного в практическое, и Невельской понял, что весь разговор о предметах поэтических и потусторонних был всего лишь предлогом и что вот только теперь великий князь будет говорить о важном — о том, ради чего они, собственно, уединились подалее от чужих ушей.

— Я хотел спросить: что вы думаете об этом господине Семенове?

Невельской отозвался не сразу.

— А что я должен о нем думать, Ваше Императорское Высочество?

Константину не понравилась уклончивость наставника, и он стал выделять слова особенно отчетливым тоном, каким всегда говорил его отец, желая показать, что недоволен своим собеседником.

— Не кажется ли вам его появление на корабле в некоторой степени странным?

Этот загадочный господин Семенов действительно возник словно из ниоткуда. В Лиссабоне он взошел на борт перед самым отходом. Более того, подъем якорей на флагмане был задержан почти на два часа, как будто весь отряд русских кораблей ждал одного этого невзрачного штатского человека. Скрывшись в определенной ему каюте, ради чего пришлось потеснить двух лейтенантов, он почти не показывался в кают-компани. Обедал в обществе вице-адмирала, с остальными офицерами только здоровался, на палубе появлялся много-много что на десять минут. Морские красоты, по всей видимости, господин Семенова не волновали.

— Его и в списки велено не вносить,— продолжал великий князь.— И на довольствие он не поставлен. Вам Федор Петрович говорил о нем что-нибудь?

— Я не в том положении, чтобы командующий отрядом обсуждал со мною своих гостей.

Константин пожал плечами:

— А я, знаете ли, его спросил.

— И что господин вице-адмирал?

— Ничего. Просил только английским чиновникам в Портсмуте о присутствии этого человека не сообщать. Но пуще всего просил не говорить о нем с русскими. Вот это и есть самое странное, Геннадий Иванович. Вы не на-

ходите? Почему о господине Семенове нельзя знать русскому посланнику в Лондоне? То есть его как будто и нет на борту. И еще, вы знаете...— Константин понизил голос, хотя услышать его здесь, в трюме, могли только притихшие теперь куры и поросята.— Я сегодня увидел его на полуюте¹, решил поговорить с ним, так он ведь не сразу на свое имя отозвался. Что, если этот господин вовсе даже и не Семенов?

Невельской развел руками:

— Быть может, он просто задумался.

— Вы так считаете?! — пылко возразил Константин и набрал уже воздуху полную грудь, чтобы продолжать спор, но над головами у них в этот момент засвистела боцманская дудка, тут же послышались команды и следом за ними — топот нескольких десятков ног.

— Что это? — прервал сам себя великий князь.

— Аврал...— Невельской поднял голову и посмотрел в темный потолок у себя над головой, словно мог видеть через толстые доски.— Кажется, к маневру готовимся.

На палубе их встретили мощным ударом яркое солнце, пронизывающий атлантический ветер и окрики младших командиров. Могучее общее движение, охватившее корабль, уже успело сказаться на его курсе, словно невидимая огромная рука повернула его на восток, и палуба под ногами приняла ощутимый крен вправо. Вершина грот-мачты, рядом с которой стояли оба офицера, заметно отклонилась от вертикали, отчего матросы, ловко карабкающиеся по вантам, делали свое дело уже не над их головами, а, собственно, над бездной. Они парили над волнами подобно необычной стае каких-то летучих морских обезьян — цепких, невероятно быстрых и абсолютно бесстрашных.

---

¹ Полуют — возвышение корпуса над верхней палубой в корме корабля.

— Смотри, куда прешь! — крикнул Невельской толкнувшему его матросу, который пробегал мимо.

Тот на ходу обернулся, и, несмотря на внезапную подследоватость после темного трюма, Невельской узнал наказанного им незадолго перед стоянкой в Лиссабоне за какую-то провинность нижнего чина. Именно его имя он пытался припомнить недавно в театре. Во взгляде матроса полыхнула такая ненависть, что Невельской едва не физически ощутил от нее ожог.

— Что происходит? — крикнул великий князь стоявшему на шканцах вахтенному офицеру. — Где Самуил Иванович?

Офицер указал в сторону полубака¹, где командир «Ингерманланда» горячо спорил о чем-то с таинственным господином Семеновым.

Капитан 2 ранга Самуил Иоаннович Мофет происходил из шотландцев. Отец его, служивший в юности мичманом на британском флоте, был принят в русскую службу при императрице Екатерине Великой. И сам Невельской, и великий князь Константин Николаевич несли службу под его началом на разных кораблях уже добрый десяток лет, начиная с фрегата «Беллона». Федор Петрович Литке, лично ответственный перед императором за воспитание Константина, все это время поднимал свой флаг на том судне, которым командовал Мофет.

В эту минуту даже с расстояния практически в двадцать метров, отделявшего обоих офицеров от полубака, было отчетливо видно, что кровь неистовых горцев, помноженная на темперамент варяжских берсерков, вот-вот закипит в командире «Ингерманланда». Густой рыжий волос, произрастающий обильно по всей его голове, физиономии, а также и телу, стоял дыбом буквально в каждой точке своего про-

---

¹ Полубак — возвышение корпуса над верхней палубой носа корабля.

израстания. Еще чуть-чуть — и вся эта буйная щетина от возмущения должна была пробиться прямо через сукно на рукавах его капитанской тужурки, окончательно обратив командира корабля в разъяренное доисторическое чудовище.

Вследствие неожиданной перемены курса корабль шел теперь почти в полный бейдевинд¹. Продираясь через высокие волны, он, подобно выскочившему на поверхность библейскому киту с девятьюстами Ион во чреве, гулко плюхался в те бездны, которые без счета раскрывались перед ним одна за другой.

— Передать на «Менелай» и на «Князь Варшавский», чтобы курса ни в коем случае не меняли! — рычал тем временем командир на вытянувшегося рядом с ним, застывшего как изваяние мичмана. — Ни в коем случае! Сделаем крюк и наверстаем. Исполнять!

Мичман сорвался с места и ловкой кошкой взлетел на полуют, откуда приказ Мофета был тотчас передан на остальные суда соответствующим флагом, поднятым на кормовом флагштоке, и выстрелом из пушки.

— Что происходит, Самуил Иванович? — повторил свой вопрос великий князь, приближаясь вместе с Невельским к Мофету. — Почему поворачиваем?

Вместо ответа командир обеими руками энергично указал на стоявшего неподалеку господина Семенова и рывком поднял нисколько не защищавший от ветра воротник своей тужурки.

Господин Семенов, не обладая, видимо, еще «морскими ногами», изо всех сил старался удержать ровное и по возможности вертикальное положение на ходившей под ним ходуном палубе. Тело его по причине весьма ощутимой

---

¹ Бейдевинд (от *нидерл. bij de wind* «при ветре») — курс парусного судна, когда ветер почти встречный. Идти в бейдевинд — лавировать, идя против ветра.

качки мотало из стороны в сторону и даже раза два бросило на такелаж¹, однако он не воспользовался этими моментами и не стал цепляться за снасти, как поступил бы любой посторонний на корабле человек, оказавшийся на борту при океанском волнении. Очевидно, господин Семенову было важно держать кураж перед уверенными, будто вросшими в палубу морскими офицерами. Тем более что рядом стоял великий князь Константин.

В этих тщетных попытках сохранить достоинство с неизбежностью проглядывало нечто смешное и до известной степени жалкое, и тем не менее господин Семенов имел какую-то необъяснимую власть над командиром флагманского корабля. Невзрачный, побелевший от внезапного приступа тошноты, но при этом желавший произвести впечатление бывалого, господин Семенов, насколько сумел понять из отрывистых объяснений Мофета Невельской, заметил в океане шлюпку, с которой отчаянно махали какие-то люди, и потребовал направить 74-пушечный линейный корабль к ней.

По курсу «Ингерманланда» теперь действительно приближалось одинокое утлое суденышко, набитое крайне оживленными людьми. Командир корабля считал, что это просто рыбаки, решившие сбить свой улов, но господин Семенов настаивал на своем. Он уверял, что утром видел далеко в океане полузатонувший остов корабля и что в шлюпке, скорее всего, находятся моряки, спасшиеся после кораблекрушения. Мофет отчаянно сердился на необходимость подчиняться партикулярному, совершенно не военному и явно не морскому человеку, однако поделаться с этим ничего не мог.

— Брандспойты готовы! — приказал он, решив хотя бы так отстоять свое командирское реноме.

---

¹ Такелаж (*нидерл. takel*, с *фр.* окончанием) — все снасти на судне, служащие для укрепления рангоута и для управления парусами.

Впрочем, всю эту перепалку Невельской воспринимал очень внимательно. Его сильно отвлекала мысль о толкнувшем его матросе. Самый этот толчок, как видно намеренный, а также последовавший за ним полный ненависти взгляд являлись неслыханной на императорском флоте дерзостью, в качестве расплаты за которую ни обычных линьков, ни даже прогона сквозь строй могло не хватить. Случись подобное на британском военном судне, провинившегося ожидало бы как минимум килевание — когда штрафника при помощи канатов протаскивают два, а то и три раза под килем, начисто сдирая с него кожу об острые края ракушек, во множестве облепивших корпус ниже ватерлинии. На русских боевых кораблях, со времен Петра перенявших множество флотских обычаев у великих морских держав, подобное зверство не прижилось, и все же матрос, толкнувший офицера, рисковал превыше всякой меры.

Пораженный не столько его дерзостью, сколько бесстрашием и очевидным равнодушием к тому, что последует, Невельской то и дело задирает голову, пытаясь отыскать этого матроса на вантах или на реях, но никак не мог различить его среди десятков других, занятых своей работой нижних чинов. Ни совершенно понятного в такой ситуации гнева, ни случавшихся у него время от времени приступов ярости Невельской сейчас, к своему собственному удивлению, не ощущал. Напротив, он не мог избавиться от неясного чувства, что именно так все и должно было произойти, что он и этот матрос как-то связаны и что неприятное столкновение их нынче на палубе подготовлено не одной только предыдущей провинностью и экзекуцией, но чем-то гораздо большим, чем-то значительным.

— Странные люди эти птицы, — слышался неожиданно рядом с ним голос господина Семенова.

Невельской опустил голову и вопросительно взглянул на нетвердо стоявшего у самого борта таинственного пассажира, который успел переместиться подальше от грозного отпрыска шотландских нагорий.

— Птицы, — повторил господин Семенов, указывая рукой на вершину грот-мачты, где в абсолютной недостижимости даже для ловких матросов раскачивались несколько довольно крупных пернатых. — Вы ведь за ними наблюдали?

Невельской едва заметно кивнул, не сказав ни слова.

— Неужели им земли мало? Зачем они за нами летят?

К этому моменту было уже абсолютно понятно, что корабль напрасно изменил курс. Люди в шлюпке, как и говорил командир, действительно оказались рыбаками, рассчитывавшими на барыш. Теперь даже невооруженным глазом было видно, что в руках, воздетых над головами, каждый из них держит рыбу. Все они наперебой что-то кричали, размахивали своей рыбой и выглядели чрезвычайно довольными оттого, что к ним подходит большой, разодетый в паруса, как невеста — в пышное платье, военный корабль.

— Брандспойты! — коротко приказал Мофет, и к борту, за которым уже слышался плеск рыбацких весел, подвинулись матросы с пожарными трубами в руках.

В одном из них Невельской узнал того, кого он тщетно искал на вантах, но тот был занят организацией душа для назойливых рыбаков и даже не взглянул на офицера. В следующее мгновение и на палубе корабля, и внизу на шлюпке раздался дружный смех, после чего насквозь мокрые рыбаки с утроенной силой стали грести к едва видневшейся на горизонте полоске португальского берега. На западе солнце уже опускалось к океанской кромке, и этим уставшим людям надо было спешить, чтобы вернуться после дневных трудов к своим семьям, а прежде того — к земной тверди, до темноты.

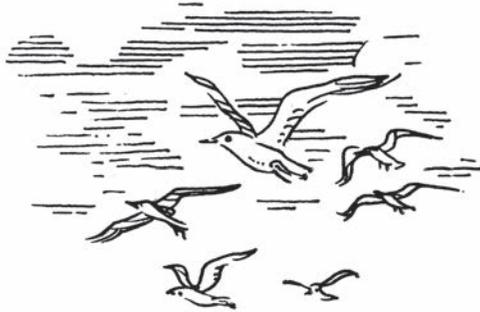
Оглавление

Часть первая.....	5	Часть третья.....	317
1 глава.....	7	1 глава.....	319
2 глава.....	21	2 глава.....	343
3 глава.....	37	3 глава.....	354
4 глава.....	51	4 глава.....	363
5 глава.....	77	5 глава.....	374
6 глава.....	94	6 глава.....	379
7 глава.....	114	7 глава.....	391
8 глава.....	132	8 глава.....	403
9 глава.....	144		
10 глава.....	157	Часть четвертая.....	421
11 глава.....	173	1 глава.....	423
12 глава.....	181	2 глава.....	433
		3 глава.....	443
Часть вторая.....	193	4 глава.....	452
1 глава.....	195	5 глава.....	461
2 глава.....	204	6 глава.....	472
3 глава.....	210	7 глава.....	479
4 глава.....	227	8 глава.....	489
5 глава.....	250		
6 глава.....	271	Эпилог.....	499
7 глава.....	285		
8 глава.....	291		
9 глава.....	310		

Андрей Геласимов

РОЗА ВЕТРОВ

Редактор Е. Пучкова
Корректор В. Вересиянова
Компьютерная верстка В. Лунин

Подписано в печать 19.10.2017. Формат 60x90/16

Усл. печ. л. 31,5. Тираж 5000 экз. Заказ

«Издательский дом „Городец“»
105082, г. Москва, Переведеновский пер., д. 17, к. 1
www.gorodets.ru, e-mail: info@gorodets.ru,
тел.: +7 (985) 8000 366

Андрей Геласимов – современный российский писатель, автор книг «Жажда», «Год обмана», «Степные боги», «Рахиль», «Холод». Лауреат премии «Национальный бестселлер» и других литературных наград как в России, так и за рубежом.

Переведен на английский, французский, немецкий, испанский и другие языки.

«... Невельской смотрел на медальон и думал о своей собственной Розе ветров, о том, что у каждого человека – свой луч, своя судьба, свой преобладающий ветер. Он вспоминал матушку, дядю Петра Тимофеевича, адмирала Литке, великого князя Константина Николаевича, графа Перовского, генерала Муравьева и даже литератора Тютчева, и все они, такие несхожие между собой, вливались друг в друга и составляли вместе его луч – луч капитан-лейтенанта 10 флотского экипажа Геннадия Невельского, стоявшего сейчас под сахалинским небом на палубе своего транспорта перед лицом огромных событий, на которые твердо и неотвратимо указал этот луч господствующего в его судьбе ветра».

www.gorodets.ru

ISBN: 978-5-906815-06-4

9 785906 815064